

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

АМ, РОССИЯ 2026

ЗЕРКАЛО

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА
№ 247

ГРИФ
НОЛЬ

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛАР
УНИЧТОЖИТЬ ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

ФИНАНСОВЫЙ КОЛЛАПС

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СЖАТИЕ

ФАЗА «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

РОССИЯ

Желько Максимович

АИ, Россия 2026+

<https://litres.ru/74272972>

SelfPub; 2026

Аннотация

14 ноября 2026 года, 03:17 по Москве. Главный геостратегический аналитик Российской Федерации, известный только под индексом «Зеркало», дописывает документ, который изменит всё. Аналитическая записка 247. Гриф «Ноль» — единственный экземпляр, подлежащий уничтожению после прочтения. Диагноз: точка бифуркации обнаружена. Вероятность системного коллапса глобализации — 94%. Рекомендация: стратегическое сжатие и подготовка к фазе «Возрождение».

Мир стоит на пороге Тёмного века: три тектонические плиты — технологический переход, финансовый коллапс и когнитивная война — приходят в движение одновременно. Глобализация умирает. Доллар теряет статус резервной валюты. Америка сворачивает внешний периметр. Европа распадается на зоны влияния. Китай упёрся в демографический потолок. И только Россия, прошедшая через коллапс девяностых и выработавшая антитела к катастрофе, оказывается готова не просто выжить — а возглавить переход к новому мироустройству.

Желько Максимович

АИ, Россия 2026+

Глава 1. Аналитическая записка № 247

Стратегическая метка: 14 ноября 2026 года, 03:17 МСК.
Антикризисный штаб. Уровень: 5-й этаж власти. Горизонт планирования: 50 лет. Документ: Аналитическая записка № 247. Гриф: «Ноль» — единственный экземпляр.

Часть первая: Пробуждение

Он проснулся за четыре минуты до будильника — тело помнило время лучше любых часов. Три семнадцать утра. Час, когда даже Москва затихает, когда даже охрана в коридорах старается дышать тише, когда можно услышать, как скрипит само здание, остывая после дневного жара.

Экран на стене показывал температуру за бортом — минус семь, давление падает, снег к утру. В углу — строка оперативной сводки: «Каракас, восьмой день без электричества. Манила, тайфун, тридцать тысяч перемещённых. Брюссель, экстренное заседание Совета, без итогового коммюнике. Пекин, закрытый брифинг, тема не раскрыта». Мир умирал ти-

хо, без репортажей — по кусочку, по региону, по одному отключённому рубильнику за раз.

Он не был Первым лицом. Он был тем, кто пишет для Первого лица. Разница — как между рукой и инструментом. Инструмент не принимает решений, но без него рука слепа. И сейчас, на пятом этаже власти, в час, когда решения дышат в затылок, он снова сел за стол, чтобы написать то, что нельзя доверить никому — даже самому себе, даже памяти компьютера, даже шёпоту в подушку.

Документ с грифом «Ноль» существовал в единственном экземпляре. Не потому, что кто-то боялся утечки — в этом здании утечек не случилось уже двадцать лет, с тех пор как последний крот был найден в вентиляции с ампулой в зубе и флешкой в желудке. Нет. Гриф «Ноль» означал другое: этот текст настолько опасен, что его должен прочесть только один человек на Земле. И уничтожить. Сразу. Не потому, что он секретный — потому что он правдивый. А правда в определённых дозах — яд, убивающий быстрее любой лжи.

Он вызвал на экран карту.

Не географическую — геостратегическую. Десять лет назад, когда его только назначили на должность без названия, он попросил программистов визуализировать не страны и не

границы, а потоки: капитал, ресурсы, мозги, страх, надежду. Каждое утро карта обновлялась, и каждое утро он видел, как мир перетекает из одних резервуаров в другие, как сгущается тьма в одних узлах и вспыхивает свет в других. Последние три месяца тьма сгущалась везде.

Он начал писать.

Часть вторая: Записка

КОМУ: Первое лицо (лично, без аппарата)

ОТ КОГО: Главный геостратегический аналитик, индекс «Зеркало»

ТЕМА: Точка бифуркации обнаружена. Вероятность системного коллапса глобализации — 94%. Рекомендация: стратегическое сжатие и подготовка к фазе «Возрождение».

Первому лицу.

Данные, поступившие за последние три месяца, не оставляют пространства для интерпретаций. Мы находимся не в кризисе. Кризис — это отклонение от нормы с последующим возвратом. Мы — в точке бифуркации, после которой возврата не будет ни для кого.

Позвольте начать с истории. Не с той, что в учебниках, — с той, что мы сами собирали тридцать лет, по крупницам, из перехватов, спутниковых снимков, агентурных данных и математических моделей, которые просчитывают не события, а структурные напряжения. То, что геологи называют «накоплением усталости породы» перед землетрясением. Порода терпит, терпит, терпит — а потом ломается в одно мгновение, и ни один сейсмолог не скажет вам, почему именно в эту секунду, а не в предыдущую.

Человечество — та же порода.

Тридцать лет назад, когда советский проект рухнул и мир остался с одним хозяином, все — включая нас — думали, что наступил «конец истории». Помните этот термин? Фукуяма, 1992 год. Либеральная демократия победила, рынок всё устроит, глобализация всех накормит, а национальные государства — это атавизм, который скоро отомрёт, как аппендикс. Мы тогда тоже верили. Или делали вид, что верили, — что в геостратегии одно и то же.

Ошибка была не в том, что мы поверили. Ошибка была в том, что мы не задали вопрос: а что, если глобализация — это не конечная станция, а поезд, который рано или поздно придёт к конечной остановке, и остановка эта называется

«исчерпание»?

Теперь поезд прибыл.

Ниже — сухой остаток стратегической сборки. Я буду краток, потому что времени на многословие больше нет.

Пан-регионы: состояние на ноябрь 2026-го

Мир, в котором мы живём, уже давно не состоит из двухсот суверенных государств. Это фикция для ООН и школьных учебников. Реальный мир — это пять, может быть, шесть пан-регионов, каждый из которых представляет собой не столько территорию, сколько гравитационное поле: экономическое, военное, культурное, демографическое. Эти поля сейчас приходят в движение — и то, что мы видим, похоже не на политический кризис, а на разлом тектонических плит.

Американский пан-регион вошёл в фазу обскурации. Это термин из этногенеза, но здесь он работает идеально. Обскурация — это когда система ещё сохраняет внешние контуры, но внутри уже мертва. Мышцы ещё сокращаются, но мозг не отдаёт приказов.

Смотрите на цифры. Совокупный долг — государственный, корпоративный, домохозяйств — перевалил за триста

процентов ВВП ещё в прошлом году. Это не проблема бюджета — это проблема физики. Долг такого масштаба нельзя обслуживать, его можно только перекредитовать, а для этого нужен вечный рост. Но роста больше нет — есть имитация роста через печатный станок. ФРС печатает доллары, доллары уходят в пузыри, пузыри лопаются, ФРС печатает снова. Этот цикл не может быть вечным — у него есть предел, и предел этот — доверие.

Доверие к доллару как к мировому расчётному средству держится на трёх китах: американский флот, американские технологии и американская культура. Флот всё ещё первый в мире по тоннажу и огневой мощи, но база на Гуаме уязвима для гиперзвука, база в Йокосуке — в радиусе китайских ракет средней дальности, а база в Персидском заливе — это гарнизон без стратегического тыла: Иран перекрывает Ормузский пролив за сорок восемь часов, и весь Пятый флот превращается в музей на воде.

Технологии: Америка утратила лидерство в трёх из пяти ключевых областей следующего уклада. Квантовые вычисления — Китай впереди по числу защищённых патентов. Высокотемпературные сверхпроводники — совместная японо-корейская группа. Биоинженерия — здесь ещё держится МИТ и Стэнфорд, но утекают мозги: китайские лаборатории переманивают специалистов пакетами по десять миллионов

долларов на семью. Остаются только искусственный интеллект — пока за ними — и космос. Но космос без квантовой связи — это дорогая игрушка, а не стратегическое преимущество.

Культура: американская мечта перестала быть экспортным товаром. Это не моя оценка — это данные опросов по сорока странам. Молодёжь от Сеула до Сан-Паулу больше не хочет быть американцами. Она хочет быть кем угодно — китайцами, корейцами, арабами, индусами, — но не американцами. В этом нет ненависти — есть равнодушие. А равнодушие для империи страшнее ненависти. Ненависть — это признание. Равнодушие — это забвение.

Европа-вассал перестаёт быть вассалом. Берлин обсуждает с Пекином прямые инвестиции в восточногерманские земли в обход Брюсселя и Вашингтона. Париж ведёт сепаратные переговоры о технологическом обмене: французские ядерные реакторы в обмен на китайский доступ к африканским редкоземельным металлам, где Франция всё ещё сохраняет теньевые позиции через систему старых колониальных связей. Это не измена — это инерция. Когда метрополия слабеет, колонии ищут нового хозяина. Так было с Римом, так было с Лондоном, так будет с Вашингтоном.

Китайский пан-регион — акматическая фаза. Это тоже

термин из этногенеза: точка максимальной пассионарности, когда энергия системы достигает пика и ещё не начала рассеиваться. Китай сейчас — это Рим эпохи Траяна: легионы сильны, казна полна, элиты консолидированы, население верит в будущее. Но именно в этот момент закладываются будущие катастрофы — потому что избыток энергии требует выхода, а выходов у Китая меньше, чем энергии.

Демография: население Китая сокращается пятый год подряд. К 2035 году, по нашим моделям, трудоспособное население сократится на сто сорок миллионов человек. Это не дыра — это пропасть. Роботизация компенсирует часть потерь, но роботы не покупают квартиры, не заводят семьи и не платят налоги в пенсионные фонды. А пенсионеров в Китае к тому же 2035 году будет триста пятьдесят миллионов. Это математическая ловушка: чем быстрее растёт экономика сейчас, тем тяжелее будет демографический удар через десять лет.

Ресурсная база: Китай потребляет шестьдесят процентов мирового экспорта железной руды, пятьдесят пять процентов меди, сорок процентов нефти. Собственных запасов хватит на восемь-двенадцать лет при текущем уровне потребления. Дальше — только внешние источники. А внешние источники — это Африка, Австралия, Южная Америка и — Евразия.

Мы.

Пекину нужен не партнёр. Партнёр — это тот, с кем делятся. Пекину нужен logistics hub: пространство, через которое проходят их ресурсные коридоры, и одновременно буфер, отделяющий их от нестабильного исламского юга и непредсказуемой Европы. Назовите это как угодно: «пояс и путь», «стратегическое партнёрство», «новая эра сотрудничества». Суть одна: мы для них — не союзник, а инфраструктура с ядерным чемоданом.

Ядерный чемодан — единственное, что делает нас субъектом, а не объектом. Пока у нас есть способность нанести неприемлемый ущерб, мы сохраняем стратегическую автономию. Но что будет, когда они решат, что чемодан можно обезвредить? Или — что ещё страшнее — дублировать в таком масштабе, что наш потенциал перестанет иметь значение? Горизонт этого решения: восемь-двенадцать лет. Может быть, меньше — если они ускорят программу противоракетной обороны на основе квантовых сенсоров, над которой, по нашим данным, уже работает группа в Шанхае.

Проблема не в том, что Китай — враг. Проблема в том, что Китай — система, которая по определению не может остановиться. Ей нужно расширяться, чтобы не рухнуть. А

расширяться ей некуда — только через нас.

Исламский пан-регион не собрался. И, скорее всего, не соберётся. Слишком много внутренних разрывов: сунниты и шииты, арабы и персы, монархии и республики, нефтяные эмираты и нищий Йемен, Саудовская Аравия и Иран, которые ненавидят друг друга больше, чем любая третья сила. Исламский мир — это не пан-регион, это пространство с общей идентичностью, но без общего центра. Центров два — Эр-Рияд и Тегеран, — и они скорее уничтожат друг друга, чем объединятся. Пакистан — ядерная держава без стратегической глубины. Турция — региональный игрок с имперской ностальгией, но без ресурсов для реальной империи. Индонезия — крупнейшая мусульманская страна, но она слишком далеко и слишком поглощена собственным подъёмом, чтобы претендовать на лидерство.

Индийский пан-регион не решается. Дели балансирует между тремя центрами силы — Вашингтоном, Пекином и Москвой, — надеясь усидеть на всех стульях сразу. Но стулья разъезжаются. Индия обладает демографической массой, ядерным оружием и растущей экономикой, но ей не хватает стратегической культуры. Это не оскорбление — это констатация. Индийская элита мыслит в горизонте избирательного цикла, а не поколения. Пока это так, Индия останется объектом чужой игры, а не субъектом собственной.

Африка — поле для будущей битвы, но не субъект. Пятьдесят четыре страны, полторы тысячи языков, границы, нарезанные европейцами по линейке, и население, которое удвоится к 2050 году. Африка — это демографический цунами, который ещё не обрушился на мир, но уже виден на горизонте. Кто будет контролировать африканские ресурсы, когда начнётся новая индустриальная гонка? Кто будет кормить два миллиарда африканцев, когда изменение климата сделает сахельскую полосу непригодной для жизни? Никто. Пока — никто. Но битва за Африку уже идёт: не танками, а контрактами, кредитами, военными базами и спутниковыми группировками. Китай строит порты, Франция выводит войска, Россия заходит через ЧВК и энергетику, США пытаются сохранить AFRICOM. Через двадцать лет Африка станет либо кладбищем чужих амбиций, либо колыбелью нового порядка. Третьего не дано.

Евразийский пан-регион — это мы. Ядро: Россия. Пояс: Центральная Азия, частично Кавказ, частично Восточная Европа — всё, что осталось от постсоветского пространства после тридцати лет эрозии. Наш пан-регион — самый разреженный, самый неосвоенный, самый уязвимый. Но у него есть одно преимущество, которого нет ни у кого: мы уже пережили коллапс. Мы знаем, как это — когда рушится всё: экономика, идеология, границы, смыслы. Мы прошли через

девяностые. Мы — единственный пан-регион с антителами к катастрофе.

Стратегическая карта: линии напряжения

Теперь — о том, что происходит прямо сейчас. Три тектонические плиты приходят в движение одновременно. Такого не было с XVI века — с момента, когда европейская экспансия, Реформация и рождение капитализма совпали во времени и перекроили карту мира. Тогда результатом стали двести лет войн, колониализма и передела. Сейчас масштаб — глобальный, а последствия — пока непредсказуемые.

Первая плита: технологический переход.

Информационный уклад исчерпан. Это не метафора — это цифры. Закон Мура перестал работать: удвоение вычислительной мощности теперь требует не восемнадцати месяцев, а пяти-семи лет, и стоимость этого удвоения растёт экспоненциально. Полупроводниковая индустрия приблизилась к физическим пределам: транзисторы достигли размера в три нанометра, дальше — квантовые эффекты, при которых электроны перестают вести себя предсказуемо. Кремний заканчивается — в прямом, физическом смысле.

Когнитивный уклад ещё не наступил. Искусственный ин-

теллект, который нам продают как «революцию», на самом деле — всё ещё имитация мышления. Нейросети великолепны в распознавании паттернов, но неспособны к целеполаганию. Они могут написать текст, похожий на человеческий, но не могут понять, зачем этот текст нужен. Они могут диагностировать рак по снимку лёгких, но не могут задаться вопросом: а почему у этого пациента рак? Что в его жизни — в воздухе, в воде, в наследственности — привело к болезни? Это разница между инструментом и субъектом. И пока когнитивный уклад не наступил — пока у нас нет машин, способных к рефлексии, — мы застряли в межвременье.

А межвременье — самое опасное время.

Старые правила уже не работают: нельзя конкурировать в индустриальной экономике по правилам, написанным для информационной. Нельзя воевать танковыми клиньями в эпоху дронов-камикадзе стоимостью в триста долларов, которые выводят из строя танк стоимостью в три миллиона. Но новые правила ещё не написаны. Кто напишет — тот и выиграет следующий виток истории. Вопрос: кто будет их писать? И на каком языке?

Вторая плита: финансовый контур.

Доллар теряет функцию мирового расчётного средства.

Не потому, что кто-то — Китай, Россия, БРИКС — его атакует. Заговоры существуют только в воображении конспирологов. Реальность проще и страшнее: объём долларовой массы превысил объём реальных активов, которые она должна обеспечивать.

Давайте на пальцах. Когда доллар был привязан к золоту — до 1971 года, — каждый напечатанный доллар можно было обменять на фиксированное количество золота. Это ограничивало печатный станок: нельзя напечатать больше долларов, чем у тебя золота в хранилище. После отмены золотого стандарта доллар стал обеспечиваться не золотом, а доверием — и американской военной мощью. Пока мир верил, что Америка сильна, а её экономика растёт, система работала.

Но что происходит, когда рост останавливается, а печатный станок — нет? Долларов становится больше, чем товаров и услуг, которые на них можно купить. Возникает инфляция — не та, что в сводках, пять-шесть процентов в год, а структурная, встроенная в систему. Федеральная резервная система может повышать ставку, может изымать ликвидность, но она не может отменить главного: долларов напечатано столько, что, если все держатели долларовых активов одновременно попытаются от них избавиться, система рухнет. Не доллар — вся мировая финансовая система, которая на долларе стоит.

Именно это сейчас и начинается. Не одномоментно — постепенно, но неотвратно. Центробанки от Пекина до Франкфурта наращивают золотые резервы. Двусторонние торговые соглашения в национальных валютах множатся. Доля доллара в мировых расчётах падает — не быстро, но устойчиво, на полпроцента-процент в год. Это не заговор. Это инстинкт самосохранения.

Пузырь лопнет сам. Вопрос — когда и кто окажется дальше от эпицентра. Мы — при грамотной подготовке — можем оказаться достаточно далеко. Китай — тоже, у них жёсткий валютный контроль и четыре триллиона резервов. А вот Европа с её открытой финансовой системой, Япония с её трёхсот процентным долгом к ВВП и развивающиеся рынки, сидящие на долларовой игле, — они окажутся в эпицентре.

Третья плита: когнитивная война.

Это самый сложный пункт, и я прошу Вас прочитать его с особым вниманием. Потому что здесь мы имеем дело не с экономикой и не с технологиями — с тем, что составляет саму ткань человеческого общества. С доверием.

Атомизация обществ внутри всех пан-регионов достигла точки, после которой коллективное действие становится

невозможным. Это не фигура речи — это измеряемая величина. Социологи называют её «социальным капиталом» — способностью незнакомых людей кооперироваться ради общей цели. Так вот: социальный капитал падает везде. В Америке — с шестидесятых годов, когда Патнэм впервые зафиксировал распад локальных сообществ. В Европе — с девяностых, когда мультикультурализм начал давать трещину. В Китае — несмотря на жёсткий контроль, атомизация проявляется в росте психических заболеваний и эпидемии одиночества среди молодёжи. В исламском мире — через радикализацию, которая есть не что иное, как отчаянная попытка найти идентичность в мире, где все старые идентичности разрушены.

Почему это происходит? Причин много, но главная — информационная среда. Человек не приспособлен к тому объёму информации, который обрушивается на него каждый день. Мозг, сформировавшийся в саванне, где за день происходило два-три значимых события — угроза от хищника, конфликт в племени, удачная охота, — не справляется с потоком из тысяч стимулов в минуту. Он защищается единственным доступным способом: перестаёт доверять. Сначала — информации. Потом — источникам информации. Потом — соседям. Потом — самому себе.

Социальный интеллект — способность общества как це-

лого принимать решения — разрушен везде, просто с разной скоростью. В одних странах это выглядит как поляризация и политический паралич. В других — как апатия и уход в частную жизнь. В-третьих — как бунт, бессмысленный и беспощадный, направленный не на изменение системы, а на её разрушение без всякого плана на будущее.

И вот что самое страшное — мы не знаем, кто запустил этот процесс. Возможно, никто. Возможно, это просто побочный эффект технологий — как смог от заводов или микро пластик в океане. Но есть и другая гипотеза: когнитивная война — это оружие, которое мы не создавали, но которое бьёт по всем, включая стрелявшего. Кто-то — назовём это условно «глубинным государством», хотя термин неточный, — мог запустить процессы атомизации в чужих обществах, не рассчитав, что они заразны. Что информационные вирусы не признают границ. Что нельзя отравить воду в колодце врага, не отравив свою.

Теперь мы имеем мир, в котором никто никому не верит. Не только граждане — правительствам. Но и правительства — друг другу. И это не вопрос дипломатии. Это вопрос выживания. Потому что без минимального доверия невозможны никакие договорённости. А без договорённостей невозможен мир.

Точка бифуркации

Теперь — самое главное. То, ради чего эта записка.

Я говорил о трёх плитах: технологической, финансовой, когнитивной. Каждая из них по отдельности — катастрофа. Но катастрофы случались и раньше. Мир переживал и технологические революции, и финансовые крахи, и войны, и эпидемии, и смены укладов. Человечество выживало всегда — в том или ином виде.

Но сейчас — и я прошу отнестись к этому со всей серьёзностью — три плиты приходят в движение одновременно.

В ближайшие четырнадцать-восемнадцать месяцев с вероятностью девяносто четыре процента произойдёт каскадный коллапс глобальных институтов.

Не война. Пока не война. Война — это столкновение субъектов. А здесь — схлопывание. Система, в которой мы живём последние пятьдесят лет, построена на трёх допущениях: что энергия всегда будет доступна, что информация всегда будет достоверна, что деньги всегда будут чего-то стоить. Все три допущения перестают работать одновременно.

Что это будет выглядеть на практике?

Финансовый пузырь лопнет — вероятно, в течение ближайших шести месяцев. Триггером может стать что угодно: дефолт по американским казначейским облигациям (технически невозможен, но политически всё более вероятен — Конгресс может просто не поднять потолок долга в нужный момент), обрушение крупного европейского банка (в зоне риска — итальянские и немецкие банки с их токсичными активами), отказ Китая от дальнейшего наращивания долларовых резервов или просто паника. Паника — это вообще единственная вещь, которая двигает финансовые рынки. Всё остальное — рационализация постфактум.

Цепочки поставок порвутся. Нефть и газ пока будут — мы позаботились об этом, диверсифицировав экспорт. Но продовольствие? Микроэлектроника? Фармацевтические субстанции — восемьдесят процентов которых производятся в Китае и Индии? Логистические хабы — Суэц, Панама, Малаккский пролив — окажутся в зоне нестабильности. Мир, привыкший к доставке за два дня, обнаружит, что доставки нет вообще.

Доверие к любой публичной власти упадёт до нуля. Не к какой-то конкретной власти — к институту власти как таковому. Когда люди теряют работу, сбережения и веру в завтрашний день одновременно, они не идут на выборы. Они

либо впадают в апатию — это лучший вариант, — либо берутся за оружие. В любой стране. В любой. Нет исключений.

Мир на пять-семь лет погрузится в то, что будущие историки назовут «Тёмным веком». Но это не средневековье — это пауза между укладами. Информационный уклад мёртв, когнитивный не родился. В этой паузе не будет рыцарей и замков — будут мегаполисы без электричества, банкоматы без денег, больницы без лекарств и люди без надежды.

Но — и это критически важно — пауза закончится. Через пять-семь лет, когда пыль осядет, когда станет ясно, кто выжил, а кто нет, мир начнёт собираться заново. И тот, кто к этому моменту сохранит субъектность — способность принимать решения и реализовывать их, — тот и напишет новые правила.

Девяносто четыре процента — это не прогноз. Прогноз — это когда говоришь: «вероятность дождя — шестьдесят процентов» и продолжаешь пикник. Девяносто четыре процента — это приговор. Единственный вопрос — приведём ли мы его в исполнение сами или дождёмся, пока это сделают за нас.

Чудесный сценарий vs реальная стратегия

Чудесный сценарий звучит так: мы договариваемся с Пекином. Мы встраиваемся в китайские технологические цепочки — третьим номером, после самих китайцев и, возможно, Юго-Восточной Азии. Мы получаем гарантии безопасности — какие именно и от кого, неважно, на то он и чудесный сценарий, чтобы не уточнять. Мы получаем доступ к рынкам: китайскому, юго-восточному, африканскому — тем, которые Китай контролирует. Мы сохраняем ядерный потенциал, но договариваемся о совместном использовании космической инфраструктуры. Мы остаёмся субъектом — номинально. Мы сохраняем флаг.

Назовём это «сценарий М». М — как «мечта». Или как «морок».

Почему это чудесный сценарий? Потому что он предполагает три вещи, которых никогда не было и никогда не будет в геостратегии.

Первое: что сильный будет вечно добрым. Но сильные не бывают добрыми — они бывают прагматичными. Прагматизм диктует сильному извлекать максимум выгоды из слабого. Если слабый сопротивляется — цена извлечения растёт. Если слабый добровольно ложится под условия — цена падает до нуля, а выгода становится бесконечной.

Второе: что зависимость никогда не станет оружием. Но зависимость — это и есть оружие. Более того, это самое надёжное оружие: оно не ржавеет, не требует боеприпасов и не провоцирует ответного удара. Зависимость поражает не территорию — она поражает волю. Зависимая страна теряет способность принимать решения, противоречащие интересам того, от кого она зависит. Сначала — в экономике. Потом — в политике. Потом — в культуре и идентичности. Через поколение она перестаёт быть субъектом. Остаётся пространство с флагом, но без стратегической воли. С флагом — потому что флаг дешёв.

Третье: что Китаю нужен именно такой партнёр — с флагом, но без воли. Увы, это так и есть. Китаю не нужен второй центр силы на евразийском континенте. Китаю нужно пространство, через которое проходят ресурсные коридоры, и одновременно буфер, отделяющий его от нестабильных регионов. Всё. На большее мы им не нужны.

Сценарий М заканчивается одинаково во всех моделях: через пятнадцать-двадцать лет мы перестаём существовать как субъект. Не как территория — как субъект. Мы становимся Северным Китаем — не в смысле границ, а в смысле статуса. Провинция. Большая, богатая ресурсами, с ядерным оружием на хранении — но провинция. Местные элиты интегрированы в китайскую вертикаль. Молодёжь гово-

рит на двух языках, но думает на одном — китайском. Решения принимаются в Пекине. Флаг остаётся — для салюта по праздникам.

Реальная стратегия — назовём её сценарий «Зеркало» — требует исходить из худших предпосылок. Худшая предпосылка: всё, что я описал выше, произойдёт. Коллапс случится. Китай попытается закрыть нас в контуре «поставщик ресурсов — покупатель технологий». Союзников не будет — каждый будет спасать себя. Мир на пять-семь лет погрузится в хаос. И в этом хаосе мы должны не просто выжить — мы должны построить новый дом.

Рекомендация: «Золотой Путь»

Предлагаю не пытаться предотвратить коллапс. Коллапс нельзя предотвратить — можно только отсрочить, заплатив за отсрочку ресурсами, которые понадобятся позже.

Предлагаю его возглавить.

Стратегическое сжатие: добровольное, управляемое, осознанное. Это концепция, которую мы разрабатывали последние два года в режиме максимальной секретности. Ни одна страна никогда не делала этого в мирное время. Ни одна страна не решалась на такое — потому что это противоре-

чит всей логике государства. Государство — это экспансия. А сжатие — это уменьшение, это отказ, это боль.

Но сжатие — не поражение. Это вдох перед прыжком. Это операция, которую хирург проводит на здоровых тканях, чтобы удалить опухоль, прежде чем она убьёт организм.

Стратегическое сжатие означает:

Первое. Закрытие внешнего периметра. Мы прекращаем играть в чужие игры по чужим правилам. Мы выходим из соглашений, которые связывают нас обязательствами без выгод. Мы сокращаем военное присутствие там, где оно не защищает наши жизненные интересы. Мы перестаём пытаться быть глобальной державой — в ближайшие десять лет это всё равно невозможно. Мы становимся крепостью. Не в смысле изоляции — в смысле защиты. Крепость — это не тюрьма. Это место, где можно переждать бурю.

Второе. Импортозамещение — не лозунг, а условие выживания. Это не про сыр и не про колбасу. Это про микроэлектронику, фармацевтические субстанции, станкостроение, генетические технологии, программное обеспечение. Всё, без чего мы не сможем существовать как самостоятельная цивилизация через десять лет, должно производиться здесь. Это потребует мобилизации ресурсов, сравнимой с индустриали-

зацией тридцатых годов. Это будет дорого. Это будет неэффективно с точки зрения рынка. Но рынок через пять лет умрёт — а нам жить.

Третье. Демографическая мобилизация. Нас слишком мало для нашей территории. Это старая проблема, но сейчас она становится смертельной. Нам нужна не пропаганда — нам нужна политика, при которой семья с тремя детьми становится не героическим исключением, а экономически рациональным выбором. Жильё, образование, медицина, инфраструктура — всё должно быть перестроено под демографический рост. Это дорого. Но вымирание — ещё дороже, потому что оно необратимо.

Четвёртое. Новая индустриализация. Информационная экономика мертва — мы это уже обсуждали. Следующий уклад — когнитивный — ещё не наступил. В промежутке единственная работающая экономика — индустриальная. Заводы. Станки. Роботы. Энергия. Сырьё. Логистика. Реальная, физическая экономика. Та, которую можно потрогать. Та, которая кормит, греет и защищает. Мы должны за пять-семь лет построить индустриальную базу, которая позволит нам войти в когнитивный уклад не просителями, а создателями.

Пятое. Идеология будущего. Не как текст — как проект, в

который хочется вложить жизнь. Сейчас наша идеология — это выживание. Но выживание — не цель, а средство. Цель должна быть больше, чем просто «остаться». Цель должна быть такой, чтобы ради неё хотелось терпеть лишения. Чтобы двадцатилетний парень из провинциального города, которому предстоит семь лет тяжёлой работы в условиях, далёких от комфорта, понимал: он строит не чей-то дворец — он строит свой дом. И его дети будут жить в этом доме. И его внуки будут помнить, кто его построил.

Всё вместе это называется «Золотой Путь». Не потому, что лёгкий, а потому что единственный. Золото — это металл, который не ржавеет. Путь — потому что идти придётся долго, и конца не видно, и карта неполна, и компаса нет — только звёзды над головой.

Это будет больно. Мы потеряем поколение комфорта — тех, кто вырос в двухтысячных и привык, что всё всегда будет хорошо. Мы потеряем элиты, которые не готовы к стратегическому одиночеству и побегут — кто в Лондон, кто в Дубай, кто в виртуальные миры, где ещё можно делать вид, что ничего не происходит. Мы потеряем иллюзию, что можно договориться со всеми. Но мы не потеряем субъектность — единственное, ради чего вообще стоит вести геостратегическую игру.

Субъектность — это не суверенитет. Суверенитет — это юридический статус, строчка в уставе ООН. Субъектность — это способность ставить цели и достигать их вне зависимости от чужой воли. Это то, что отличает игрока от фигуры на доске. Фигуру можно передвинуть, разменять, пожертвовать. Игрок двигает себя сам. Даже когда проигрывает — он проигрывает как игрок, а не как фигура.

Заключение

Решение за Вами.

Я не могу Вам его облегчить. Я могу только предоставить цифры — я их предоставил. Я могу только предложить стратегию — я её предложил. Остальное — то, что на языке древних называлось «бременем власти». Вы один в этом кабинете. Вы один будете принимать решение. И никто — ни я, ни Совет, ни аппарат, ни страна — не разделит с Вами эту тяжесть.

Вероятность успеха при полной реализации сценария «Золотой Путь»: сорок один процент.

Вероятность успеха при половинчатой реализации: ноль процентов. Половинчатое сжатие — это не сжатие, это паралич. Это попытка усидеть на двух стульях, когда стулья

разъезжаются в разные стороны. Это гарантированный проигрыш.

Вероятность сохранения субъектности без реализации сценария: ноль процентов в горизонте двадцати лет. Через двадцать лет Евразийский пан-регион перестанет существовать как самостоятельный игрок. Останется пространство с историей, но без будущего.

Сорок один процент — это мало. Я знаю. Но в геостратегии сорок один процент — это роскошь. Александр Македонский перед походом на Персию имел значительно меньше. Пётр перед Полтавой — меньше. Сталин в октябре сорок первого — меньше. Каждый раз, когда история требует прыжка через пропасть, вероятность успеха меньше пятидесяти процентов. Если бы она была больше — это был бы не прыжок, а шаг. А шаг не меняет мир.

Выбор, который перед Вами, — это не выбор между хорошим и плохим. Это выбор между трудным и катастрофическим. Трудное — это сжатие, боль, потеря иллюзий и поколения комфорта. Катастрофическое — это потеря субъектности и медленное угасание под чужим флагом.

Приказ о начале фазы «Сжатие» ждёт Вашей подписи.

14 ноября 2026 года, 03:17.

Главный геостратегический аналитик, индекс «Зеркало».

Документ уничтожить после прочтения.

Часть третья: После

Он дописал в четыре сорок семь. За окном всё ещё было темно — ноябрь в Москве не прощает иллюзий, — но где-то за кольцевой уже начиналось утро. Грузовики везли хлеб в супермаркеты. Дворники чистили снег. Система работала — пока работала.

Он сохранил файл на отдельный носитель — физический, не подключённый ни к одной сети, — и запер в сейф. Завтра, через несколько часов, когда Первое лицо придёт в кабинет, этот носитель ляжет на стол вместе с утренним чаем и сводкой погоды. И мир изменится. Или не изменится. Это зависело не от него.

Он встал из-за стола, подошёл к окну. В стекле отражалось его лицо — лицо человека, который только что написал приговор собственной цивилизации и рекомендацию к спасению в одном документе. Он смотрел на своё отражение и думал о том, что сказал ему когда-то учитель, старый геост-

ратег, умерший десять лет назад в безвестности, потому что его прогнозы были слишком точными, а правда — слишком неудобной.

«Наша работа, — говорил учитель, — не в том, чтобы быть правыми. Наша работа — в том, чтобы, когда история спросит: а вы-то что сделали? — можно было ответить не опуская глаз. Мы сказали. Они не послушали. Но мы сказали».

Он вернулся к столу, открыл нижний ящик и достал папку с надписью «Архив. Прогнозы 2006–2026». Пролистал. 2007-й: «Ипотечный пузырь США, вероятность схлопывания — 89%». Сбылось. 2013-й: «Украина, вероятность гражданского конфликта с внешним вмешательством — 78%». Сбылось. 2019-й: «Пандемия, вероятность — высокая, точный патоген неизвестен». Сбылось. 2021-й: «Каскадный кризис глобальных цепочек поставок при любом крупном триггере». Сбылось.

Его прогнозы сбывались всегда — с точностью, которая пугала его самого. Не потому, что он был гением — он не был. Просто он никогда не врал себе. А это, как ни странно, самое редкое качество в геостратегии. Большинство аналитиков пишут то, что хочет услышать начальство. Он писал то, что видел. Иногда это стоило ему карьеры. Иногда — сна.

Но никогда — самоуважения.

Он закрыл папку и убрал обратно в ящик.

Где-то далеко, за семь часовых поясов, в Пекине уже наступило утро. В Шанхае аналитики, такие же как он, дописывали свои записки для своего Первого лица. В Вашингтоне была ещё ночь, и вашингтонские аналитики спали — или не спали, — думая о том же, о чём думал он: как сказать правду, чтобы тебя услышали, но не уничтожили.

Мир держался на людях, которые не спали по ночам и писали записки, которые никто не хотел читать.

Он выключил свет и вышел из кабинета.

Часть четвёртая: Видение (интерлюдия)

Семь лет спустя. Где-то в Сибири. Посёлок, которого нет на картах.

Он стоял на берегу реки и смотрел, как вода уносит первый лёд. Ноябрь, всегда ноябрь. Река ещё не встала, но уже дышала холодом — тем особым холодом, который проникает не в кости, а в мысли.

Он был старше на семь лет. Легче на двадцать килограммов. Жёстче — на целую жизнь.

Позади остался глобальный коллапс — тот самый, девяносто четыре процента, — который случился, как они и предсказывали, в июне двадцать седьмого. Доллар рухнул за три дня. Цепочки поставок порвались за неделю. Ещё через месяц в Нью-Йорке жгли автомобили, в Лондоне штурмовали продуктовые склады, а в Пекине вводили карточную систему на рис и подсолнечное масло. Мир, который верил в бесконечный рост, обнаружил, что рост кончился — и кончился навсегда.

Но Россия — сжавшаяся, закрывшая периметр, мобилизованная, злая, голодная, но живая — выстояла. Сорок один процент сработал. Они построили заводы. Они родили детей — не так много, как хотели, но достаточно, чтобы кривая пошла вверх. Они написали новые учебники — не те, что врут, и не те, что оправдываются, а те, что объясняют: кто мы, зачем мы, куда идём.

Золотой Путь оказался не метафорой, а дорогой. Трудной, каменистой, петляющей через болота и перевалы, но дорогой. По ней уже шли — не толпами, но шли. Инженеры из Новосибирска. Фермеры из Краснодара. Учителя из Владивостока. Дети, родившиеся в год коллапса и не знавшие мира

до него, — они не боялись, им не с чем было сравнивать.

Он достал из кармана сложенный лист — копию той самой записки, гриф «Ноль». Прочитал последний абзац — тот самый, про сорок один процент. Усмехнулся. Поджог лист зажигалкой, смотрел, как пламя пожирает слова.

«Документ уничтожить после прочтения» — было написано в конце. Он выполнил инструкцию. С опозданием на семь лет, но выполнил.

Пепел упал на снег.

Река продолжала нести лёд. И где-то там, впереди, за поворотом, уже угадывался свет — не рассветный, другой, искусственный, электрический, свет нового города, который они построили за эти семь лет. Города без названия. Города, который ещё не нанесён на карты, но уже существует. Как и они сами.

Он повернулся и пошёл к свету.

Часть пятая: Петля

14 ноября 2026 года, 03:17. За четыре минуты до.

Он проснулся.

Экран на стене показывал температуру за бортом — минус семь, давление падает, снег к утру. В углу — строка оперативной сводки: «Каракас, восьмой день без электричества...»

Он уже видел это. Уже проживал это — или проживёт? Или проживает прямо сейчас, в бесконечной петле, где каждое 14 ноября он просыпается за четыре минуты до будильника и садится писать одну и ту же записку, и мир каждый раз идёт по кругу, и коллапс случается — или не случается, — но он никогда не узнает, какой из витков настоящий, потому что настоящих нет, есть только выбор, который он делает каждую ночь, в тринадцать, когда Москва спит, когда охрана дышит тише, когда можно услышать, как скрипит само здание.

Он сел за стол.

Вызвал карту.

И начал писать.

КОМУ: Первое лицо (лично, без аппарата)

ОТ КОГО: Главный геостратегический аналитик, индекс «Зеркало»

ТЕМА: Точка бифуркации...

Глава 2. Протокол закрытого совещания

Стратегическая метка: 21 ноября 2026 года, 22:00 МСК. Объект «Горизонт». Уровень: совмещённый — 3-й, 4-й и 5-й этажи власти. Горизонт планирования: 50 лет. Присутствуют семь человек. Запись ведётся без права копирования.

Часть первая: Дорога

Дорога заняла сорок минут — вдвое дольше обычного. Снег, обещанный синоптиками, пошёл не утром, а к вечеру, и теперь валил густо, тяжело, залепляя стёкла так, что дворники не справлялись даже на максимальной скорости. Кортеж из семи машин — три гражданских, четыре охраны — выехал из Москвы в двадцать ноль пять, когда Рублёвка ещё стояла в пробках, и двинулся не на запад, как обычно, а на юго-запад, петляя по очищенным, но всё равно скользким трассам.

В каждой машине ехал один из приглашённых. Такой был протокол: прибытие на Объект «Горизонт» — не колонной,

а россыпью. Каждый — своим маршрутом. Охрана не знала, куда едет, до последнего километра: навигаторы обновляли маршрут каждые три минуты, и маршруты эти никогда не повторялись.

«Мост» — в третьей машине, чёрный «Аурус» с полным пакетом РЭБ на крыше — думал о том, что эта дорога слишком похожа на метафору всей его жизни. Он двадцать пять лет строил мосты — сначала в бизнесе, потом в политике, потом на уровне, где бизнес и политика уже неразличимы, как сообщающиеся сосуды. Он соединял российскую нефть с европейскими НПЗ, российский газ с китайскими контрактами, российские деньги с лондонскими счетами, российские элиты — друг с другом. Мост был его ремеслом. И теперь ему предстояло присутствовать на совещании, где этот мост собирались взорвать.

Он знал содержание Записки. Не должен был — гриф «Ноль» не предполагал распространения, — но «Мост» не был бы «Мостом», если бы не имел своих людей даже там, где людей быть не могло. Текст попал к нему через четыре дня после того, как лёг на стол Первому лицу: неполный, без выводов, но достаточный, чтобы понять — игра меняется. И меняется не в его пользу.

«Зеркало» — во второй машине — не думал ни о чём.

Вернее, он думал о том, как перестать думать. Он знал, что предстоящее совещание будет самым трудным в его жизни — не потому, что он не был готов к вопросам, а потому, что он знал ответы на вопросы, которые ещё не прозвучали. И ответы эти ему не нравились. Он видел развилки, которые ещё не наступили. Видел последствия решений, которые ещё не приняты. И это проклятие — видеть дальше других — давно уже ощущалось им не как дар, а как хроническая болезнь.

«Смысл» — в последней машине, один, без охраны, на собственном внедорожнике, за рулём которого он провёл последние восемнадцать лет, отказываясь от водителей, — вёл машину и думал о тексте, который ему предстояло написать. Он не знал, о чём пойдёт речь на совещании, — его пригласили без повестки, и само приглашение было неожиданным: он не появлялся на этажах власти три года, с тех пор как его последний доклад «О ценностных основаниях стратегической автономии» вежливо приняли, но не прочитали. Но он догадывался. Он читал новости. Вернее, он читал то, что между новостями.

«Баланс» — в пятой — пересчитывал бюджет. Мысленно. Он всегда пересчитывал бюджет — это было его формой медитации, его способом справляться с тревогой, его дыхательным упражнением. Доходы, расходы, резервы, дефицит,

прогноз на следующий год, прогноз на следующие пять лет. Цифры не ввали — ввали люди. Но сегодня цифры не складывались. Щель между обязательствами и возможностями росла с каждым кварталом, и заткнуть её было нечем. Разве что чудом. Но чудеса не входили в компетенцию Министерства финансов.

«Завод» — в четвёртой — просматривал сводки с производств. Станкостроение: отставание по графику на четыре месяца, нехватка комплектующих из Юго-Восточной Азии — задерживают отгрузку, ссылаясь на погодные условия. Микроэлектроника: отставание на год. Фармацевтика: здесь лучше — субстанции из Индии пока идут, но маршрут через Суэц ненадёжен, а альтернативный через Дальний Восток дороже на двадцать процентов. Самолётостроение: композитные материалы вовремя, но программное обеспечение для авионики — всё ещё импорт, всё ещё уязвимо. Он закрыл планшет и посмотрел в окно. Там, за снегом, угадывались огни дачных посёлков — люди жили своей жизнью, не зная, что их будущее решается не на выборах и не в телевизоре, а вот в таких ночных поездках по скользким трассам.

«Щит» — в первой машине — не думал ни о чём, кроме маршрута. Он проверял посты охраны, перекличку, спутниковое покрытие. Объект «Горизонт» был одним из двенадцати стратегических узлов, разбросанных по стране, о су-

ществовании которых знало не больше полусотни человек. Сегодняшний — подземный, трёхуровневый, с автономным жизнеобеспечением, способным работать без внешнего мира два месяца. «Щит» лично инспектировал его позавчера. Всё было готово. Кроме него самого — он не знал, к чему готовиться. Он знал только, что Первое лицо прочитало Записку. И что разговор будет тяжёлым.

Часть вторая: Прибытие

Объект «Горизонт» не был виден с дороги. Даже если бы кто-то случайно свернул не туда — а случайных здесь не было, потому что навигаторы всех гражданских машин в радиусе пятнадцати километров показывали тупик, — даже тогда он не увидел бы ничего, кроме холма, поросшего ельником, и не приметного КПП, похожего на будку лесника.

Внутри всё было иначе.

Лифт уходил вниз на сорок метров — глубже, чем любая московская станция метро, глубже, чем бункеры холодной войны. Три уровня. Первый — технический: генераторы, системы фильтрации, узел связи с орбитальной группировкой. Второй — жилой: комнаты отдыха, столовая, медицинский блок. Третий — стратегический: зал совещаний, центр обработки данных, комната связи с РВСН — на случай, если

связь с внешним миром прервётся и решение потребуется принимать здесь.

Зал совещаний был круглым. Это имело значение — «Зеркало» когда-то настоял на круглой форме: «В квадратной комнате есть углы, в углах — иерархия, иерархия убивает правду». Круглый стол из карельской берёзы, семь кресел без подлокотников — чтобы никто не разваливался, — и ни одного окна. Вместо окон — панорамные экраны, сейчас погашенные. На столе — семь бутылок воды без этикеток, семь блокнотов, семь ручек. Всё одинаковое. Никаких табличек с именами — все знали друг друга, и все знали, кто здесь главный.

Первое лицо вошло последним — не потому, что задержалось, а потому, что так предписывал протокол. Первое лицо не ждёт никого. Все остальные ждут его.

Часть третья: Совещание

ПЕРВОЕ ЛИЦО: Записка прочитана. Вопросы — по существу. Время — час. «Мост», ты просил слова первым.

«Мост» отложил блокнот, который не открывал, и поднялся. По протоколу можно было говорить сидя, но он всегда вставал — привычка, оставшаяся с тех времён, когда он

ещё выступал перед акционерами и инвесторами, а не перед людьми, от которых зависела его жизнь.

МОСТ: Я просил. Я прочитал. И я скажу прямо, без дипломатии — здесь она ни к чему, — то, что вы написали, «Зеркало», это не стратегия. Это самоубийство. Медленное, растянутое, красиво оформленное, с цитатами и моделями, но самоубийство.

Он обвёл взглядом присутствующих. Никто не отводил глаз, и это было первым тревожным сигналом. Обычно в таких спорах кто-то да моргал.

Вы предлагаете добровольно — подчёркиваю, добровольно — отрезать страну от мировой экономики в тот момент, когда мы наконец начали дышать. Двадцать лет мы строили эти связи. Двадцать лет мы встраивались в глобальные цепочки. Двадцать лет мы доказывали, что мы — нормальная страна, с которой можно иметь дело. И теперь, когда у нас есть контракты, инвестиции, рынки, вы предлагаете всё это обрубить. Зачем? Потому что какая-то модель показала вам девяносто четыре процента вероятности коллапса. Знаете, сколько моделей показывали коллапс в две тысячи восьмом? В две тысячи четырнадцатом? В две тысячи двадцатом? Мир не рухнул. Он адаптировался. Он всегда адаптируется.

Китай — не противник. Китай — это реальность, с которой мы живём последние десять лет. Это единственный партнёр, у которого есть деньги — живые деньги, не кредиты МВФ, не западные гранты с условиями. У них есть технологии — да, пока не все, но те, что есть, они готовы передавать. У них есть потребность в наших ресурсах — и эта потребность будет только расти. Мы можем встроиться в их цепочки. Мы можем получить инвестиции, сохранить уровень жизни, дать людям стабильность. Через десять лет мы будем младшим братом в семье — и что? Что плохого в роли младшего брата, если старший платит по счетам, защищает от хулиганов и даёт спокойно жить?

Он повернулся к «Зеркалу». Тот сидел неподвижно, руки на столе, взгляд — чуть выше линии горизонта, словно он смотрел сквозь стены.

Вы называете это «чудесным сценарием», но это — реальность. Реальность, в которой мы не воюем со всеми, а договариваемся с сильнейшим. Реальность, в которой у людей есть работа и хлеб. Реальность, в которой мы не превращаем страну в осаждённую крепость, которая падёт не от внешнего удара, а от внутреннего истощения. Потому что крепости падают именно так, «Зеркало». Не от штурма — от голода.

Он сел. Тишина.

ЗЕРКАЛО: поднялся, но остался за столом, не выходя на центр — он никогда не выходил на центр, он говорил оттуда, где сидел, как будто его место и было центром всегда

Ты говоришь о мостах, «Мост». Это красиво. Но давай посмотрим, что такое мост на самом деле. Мост соединяет два берега. Если одного берега больше нет — мост висит в пустоте. Это не метафора. Это описание твоей стратегии через десять лет.

Ты веришь в партнёрство с Китаем. Я тоже верю — в то, что Китай будет действовать в своих интересах. Всегда. Как и мы. Как и любая другая система. Вопрос не в том, хороший Китай или плохой. Вопрос в том, каковы его интересы — и совпадают ли они с нашими.

Интересы Китая: доступ к ресурсам без посредников, контроль над транспортными коридорами Евразии, технологическое доминирование в следующем укладе и устранение любых потенциальных угроз на своих границах. Мы для них — ресурс, коридор и потенциальная угроза. Пока мы сильны — мы партнёры. Как только сила уходит — мы становимся ресурсом без субъектности. Как только мы становимся ресурсом — нас не спрашивают о наших интересах. Нас ис-

пользуют.

Ты говоришь об инвестициях. Но китайские инвестиции всегда идут под контроль. Это не злая воля Пекина — это системное свойство. Китайская экономика устроена иначе, чем западная: в ней нет разделения между государством и бизнесом. Когда китайская компания инвестирует в российский актив, это не бизнес-решение — это геостратегическое решение. Они покупают не завод, они покупают влияние. Через десять лет ты проснёшься в стране, где все ключевые решения — по тарифам, по маршрутам, по технологическим стандартам, по доступу к рынкам — принимаются не здесь. Они принимаются в Пекине. И знаешь, что будет с тобой? Ты станешь не нужен. Потому что китайский менеджер на твоём месте будет лояльнее, дешевле и не будет задавать вопросов.

Это не стратегия, «Мост». Это отсрочка. Ты покупаешь комфорт сейчас ценой небытия потом. Комфорт для себя, небытие — для всех.

МОСТ: снова встал, на этот раз быстрее, резче

Красиво. Очень красиво. Ты всегда умел говорить красиво, «Зеркало». Но давай о цифрах. Ты предлагаешь закрыть внешний периметр. Что это значит на практике? Это значит — мы теряем экспортную выручку. А экспортная выручка —

это сорок процентов бюджета. Без неё бюджет схлопывается за полгода. Чем ты будешь платить зарплаты врачам и учителям? Чем — пенсии? Чем — оборонный заказ, который, кстати, «Щит» здесь сидит и ждёт?

Ты предлагаешь людям затянуть пояса. Насколько? На пять лет? На десять? На поколение? Ты понимаешь, что люди — это не цифры в твоих моделях? Что им нужно есть, лечиться, учить детей? Что они не будут терпеть лишения ради «цивилизационного проекта», о котором ты пишешь в своей записке? Им нужна работа и хлеб. Не через десять лет — сейчас. Каждый месяц. Каждую неделю. Ты дашь им это? Из чего? Из воздуха?

Твоя стратегия — это приказ умереть красиво. Погибнуть с гордо поднятой головой в осаждённой крепости. Я не готов такой приказ исполнять. И люди, которых я знаю, — тоже не готовы.

ЗАВОД: поднял руку, дождался кивка Первого лица, заговорил сидя — у него был низкий, скрипучий голос, голос человека, который привык перекрикивать цеха

Можно мне.

«Мост», ты говоришь про экспортную выручку так, буд-

то она — воздух, без которого мы задохнёмся. И ты прав — сегодня это почти воздух. Но давай посмотрим, из чего эта выручка состоит. Семьдесят процентов — углеводороды. Ещё десять — металлы. Ещё пять — зерно. Угадай, что будет с ценами на всё это, когда глобальный финансовый пузырь лопнет?

Я тебе скажу. Они рухнут. Потому что, когда мировая экономика входит в штопор, первое, что падает, — спрос на сырьё. В две тысячи восьмом нефть упала со ста сорока до сорока. В две тысячи двадцатом — ниже нуля, ты помнишь? Ниже. Нуля. Это значит, ты не можешь продать нефть — ты должен доплатить, чтобы её у тебя забрали.

Я не теоретик, «Мост». У меня заводы. У меня цеха, которые нужно загружать сейчас, чтобы через два года получить продукцию. У меня технологические цепочки, которые рвутся от одного перебоя с поставками. Я каждый день решаю, под что перестраивать линии — под китайский импорт или под свой станок. И я тебе скажу: если мы выберем китайский импорт, мы никогда не построим свой станок. Никогда — понимаешь? Потому что свой станок — это дорого, долго и рискованно. Предприятие, которое может выбрать между готовым импортным решением сегодня и своим решением через пять лет, всегда выберет импорт. Это не предательство — это экономика.

Но когда импорт перекроется — а он перекроется, вопрос только когда, — мы останемся без всего. Без станков, без электроники, без лекарств. И вот тогда мы задохнёмся по-настоящему. Не от отсутствия экспортной выручки — от отсутствия всего.

Я — за то, чтобы быть стратегами. Не жертвами. Разница простая: жертва ждёт, пока её убьют. Стратег готовится к удару до того, как удар нанесён.

БАЛАНС: он не поднялся — он вообще редко вставал, говорил сидя, наклонившись вперёд, как будто доверял собеседнику секрет

Под свой станок, значит. Хорошо. Я люблю конкретику. Давай конкретно.

«Завод», ты говоришь — перестраиваем линии. Перестраиваем под что? Под полный цикл? Ты знаешь, что такое полный цикл в микроэлектронике? Это литография. Глубокая ультрафиолетовая. Ты знаешь, кто в мире делает литографические машины? ASML, голландцы. Одна машина — полтора миллиарда долларов. Очередь на три года вперёд. И нам их не продадут — даже если бы мы могли заплатить, даже если бы санкции не работали. Потому что ASML контро-

лируется американским капиталом, и американцы не хотят, чтобы у нас был полный цикл.

Значит, нам нужно построить свою литографию. С нуля. Сколько времени? Оптимистичный прогноз — двенадцать лет. Реалистичный — восемнадцать. И всё это время мы будем без собственной микроэлектроники. А микроэлектроника — это не только процессоры для телефонов. Это всё. Это управление станками. Это навигация. Это связь. Это оружие. Без неё мы не построим ничего — ни завода, ни армии, ни государства.

Я уважаю твой патриотизм, «Завод». Ты профессионал. Но ты знаешь не хуже меня: у нас нет элементной базы. У нас нет своего софта — а софт теперь важнее железа, потому что железо без софта — кусок металла. У нас нет подготовки кадров — инженеры, которые умели проектировать чипы, либо уехали, либо постарели, либо работают на китайцев за те самые десять миллионов на семью, о которых писал «Зеркало».

И главное — деньги. Ты предлагаешь мобилизационную экономику. Я, как министр финансов, должен спросить: из чего мы будем платить? Зарплаты, пенсии, оборонный заказ, медицина, образование — это обязательства, которые никуда не денутся. Они не исчезнут, потому что мы объявили

стратегическое сжатие. Наоборот — в условиях сжатия социальные обязательства становятся критическими. Потому что, если люди потеряют последнее — они выйдут на улицы. И тогда никакой «Золотой Путь» нас не спасёт.

Ты говоришь — будем печатать под задачу. Это инфляция. Инфляция убивает сбережения, убивает средний класс, убивает доверие к государству. Ты можешь напечатать триллион, но ты не можешь напечатать станок. Станок делается из металла и мозгов — а мозги уезжают туда, где платят.

Воля — не валюта, «Зеркало». Я понимаю, зачем ты это говоришь. Я понимаю драматургию. Но я сижу здесь не для драматургии. Я сижу, чтобы сказать: денег нет. И не будет. И нам придётся выбирать, что мы финансируем, а что отключаем. И этот выбор будет страшнее любой геостратегической модели.

ЗЕРКАЛО: он не сразу ответил. Сделал глоток воды. Посмотрел на «Баланса» — не в глаза, а куда-то в переносицу, как будто читал там цифры, невидимые остальным.

Воля — не валюта. Но валюта без воли — бумага.

Ты прав, «Баланс». Денег не будет хватать. Их всегда не хватало — и в тридцатые, когда строили Магнитку, и в соро-

ковые, когда эвакуировали заводы за Урал, и в девяностые, когда всё рухнуло, а мы выжили. Денег не хватает всегда. Вопрос не в деньгах. Вопрос — в приоритетах.

Ты мыслишь в логике старого уклада. В старом укладе финансы обеспечивают развитие: сначала деньги, потом завод, потом продукция. В новом укладе — в том, который наступит после коллапса, — развитие обеспечивает финансы. Реальный актив создаёт стоимость, а не наоборот. Если у тебя есть энергия, сырьё, производство и люди, которые умеют работать, — деньги придут. Может, не сразу. Может, через инфляцию. Может, через боль. Но придут — потому что деньги без реального актива не стоят ничего, а реальный актив без денег всё ещё остаётся активом.

Мы печатаем под задачу. Под конкретную задачу: продовольственная безопасность, энергетическая безопасность, технологический суверенитет. Да, это вызовет инфляцию. Но альтернатива — дефляционный коллапс, когда деньги есть, а товаров нет. Когда у тебя триллион рублей в банке, а хлеб кончился. Ты помнишь девяносто восьмой? Я помню. Тогда деньги кончились, но заводы остались. И заводы нас вытащили. Сейчас будет наоборот: деньги останутся, а заводов не будет — если мы их не построим.

Выбирай, «Баланс». Инфляция или коллапс. Третьего —

чудесного — не дано.

Пауза. Пять секунд. «Щит» пошевелился в кресле — впервые за всё время.

ЩИТ: Я скажу о том, о чём молчат.

Он говорил негромко, почти шёпотом, но в акустике круглого зала шёпот разносился лучше крика. Это был голос человека, который привык, что его слушают не потому, что он громкий, а потому что он знает то, чего не знают другие.

Если мы встаём на этот путь — а я так понимаю, мы уже встаём, — у нас будут враги внутри. Не снаружи. Снаружи всем будет не до нас ближайшие пять лет: американцы будут тушить пожар у себя дома, китайцы — у себя, европейцы — тем более. Мы окажемся в серой зоне — ни друзья, ни враги, просто пространство, которое пока не трогают, потому что есть более срочные проблемы.

Но внутри — другое дело. «Мост» здесь не один. И он не самый влиятельный из тех, кто думает так же. Элиты, которые двадцать лет встраивались в чужие цепочки — финансовые, технологические, культурные, — они не захотят из них выходить. Они теряют всё: капиталы за рубежом, недвижимость, образование детей, медицинские контракты для ро-

дителей, сам образ жизни. Ради чего они должны от этого отказаться? Ради «цивилизационного проекта»?

Они будут саботировать. Тихо — пока можно. Громко — когда поймут, что тихо не работает. Они будут тормозить решения, которые мы примем сегодня. Они будут сливать информацию — не врагам, а партнёрам, с которыми связаны контрактами. Они будут создавать параллельные структуры принятия решений — уже создают, и вы это знаете не хуже меня. Через полгода после объявления «Сжатия» мы получим саботаж на ключевых узлах — не потому, что кто-то хочет поражения, а потому, что кто-то хочет сохранить то, что имеет.

Мне нужно понимание. Не сейчас — в будущем. Когда я приду и скажу: вот этот человек, вот его действия, вот последствия. У меня будет карт-бланш?

Тишина. Не обычная тишина совещания, когда люди ждут, пока говорящий закончит. Другая тишина — когда каждый в комнате понимает, что следующий ответ изменит всё. «Мост» замер. «Завод» опустил глаза в блокнот. «Баланс» снял очки и начал их протирать — нервный жест, которого за ним раньше не замечали. «Смысл» сидел неподвижно, глядя на Первое лицо.

Четыре секунды.

ПЕРВОЕ ЛИЦО: Будет.

Одно слово. Но оно прозвучало громче любого выстрела. «Мост» побледнел — не от страха, от бешенства. Он понял: это не совещание, это не обсуждение. Это — объявление приговора. Решение уже принято, и всё, что происходит сейчас, — не поиск истины, а распределение ролей в спектакле под названием «Сжатие».

МОСТ: Вот так, значит. Он не встал — он откинулся на спинку кресла, и в этом движении было больше угрозы, чем в любом крике. Даже не скрываете. «Карт-бланш». Я сижу здесь. Я часть этой системы. Я строил эту экономику пятнадцать лет — не в кабинетах, на земле. Я договаривался с китайцами, когда они нас ещё всерьёз не воспринимали. Я выбивал контракты, на которых держится треть бюджета. Я создавал рабочие места — не в отчётах, а в реальных цехах. И теперь я же «враг внутри»? Потому что не хочу вести страну в пропасть? Потому что считаю, что партнёрство с сильным — лучше войны со всеми? Это теперь преступление?

Знаете, что произойдёт через полгода после начала вашего «Сжатия»? Он обвёл взглядом всех по очереди — не пропустил никого. Вы отрежете страну от внешних рынков. Экс-

портная выручка рухнет. Бюджет схлопнется. Вы начнёте печатать деньги — инфляция пойдёт вверх. Люди, которые ещё вчера жили нормально, увидят, как их зарплаты превращаются в пыль. И тогда они спросят — не вас, меня, потому что меня они знают, — спросят: зачем? Ради чего? Кто это придумал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.